

Андрейко Е.В.

ДУШИ НЕЯСНЫЙ ИДЕАЛ (К ВОПРОСУ ОБ "УТАЕННОЙ ЛЮБВИ" А.С.ПУШКИНА).

Загадка так называемой "утаенной любви" более столетия занимает литературоведов и историков. Практически все пушкинисты признают важность этой проблемы для понимания как лирики и поэм Южного периода, так и поздних произведений - "Полтавы" и "Евгения Онегина". Несмотря на обилие исследований, этот вопрос был и остается открытым. Кроме того, ни один эпизод биографии великого поэта (к слову сказать, до конца не изученной) не вызывал такого количества различных легенд, полунаучных предположений и просто нелепых толкований.

Прежде всего необходимо определить, что понимают под термином "утаенная любовь" и какой круг произведений следует считать непосредственно посвященным этому чувству. При этом следует учитывать, что эпитет "тайный" в лирике Пушкина сопровождает описание любовного переживания вообще, так как именно такой была этика любовного чувства того времени. Во-вторых, мотив вечной, трагической и утаенной любви был одним из обязательных "атрибутов" романтического канона, своеобразным литературным штампом. Многие стихотворцы первой половины XIX века, в том числе и дядя Пушкина Василий Львович, считали своим "поэтическим долгом" воспевать такую тайную страсть, причем собственно предмет страсти зачастую существовал только в воображении поэта (см.5, с.69-70).

Следует заметить, что в литературоведении нет единого мнения о том, какое явление творческой и личной биографии поэта считать "утаенной любовью": некоторые ученые понимают под этим термином лицейскую страсть Пушкина, оставившую глубокий след в его творчестве, и не связанную напрямую ни с Крымом, ни с произведениями, написанными на крымском материале. Другие считают "утаенной любовью" одесскую страсть поэта (графиню Е. Воронцову или К. Собаньскую), определяя совершенно иные временные рамки и называя другой круг произведений.

Однако большинство пушкинистов признают под термином "утаенная любовь" следующее явление: сильную, мучительную страсть, пережитую Пушкиным в молодые годы (в петербургское трехлетие 1817-1820 г. или во время пребывания на Кавказе и в Крыму летом 1820 года); страсть, по неизвестным причинам тщательно скрываемую от окружающих; любовь отвергнутую, "слепую, несчастную, безумную"(9, с.221); чувство столь глубокое, что, несмотря на необходимость таить все, что могло указать на личность возлюбленной, Пушкин не мог не говорить об этом и в результате "забалтывался стихами". Под знаком этой страсти написаны многие стихотворения и поэмы Южного периода ("Кавказский пленник" и "Бахчисарайский фонтан"), следы ее сохраняются и в более поздних произведениях - "Полтаве" и "Евгении Онегине". Некоторые исследователи считают "утаенную любовь" причиной творческого кризиса, приходящегося на начало 1820 года.

В данной работе мы обращаемся к анализу именно вышеуказанной точки зрения, ставшей традиционной в отечественной пушкинистике.

Обратимся теперь к произведениям Пушкина, как поэтическим, так и эпистолярным, где содержится указание на "утаенную любовь". Следует отметить, что перечень будет неполным: он постоянно уточняется и дополняется в зависимости от точки зрения того или иного исследователя проблемы. Поэтому ограничимся лишь теми произведениями, которые считаются общепринятыми.

Тема "утаенной любви" становится одной из ведущих в лирике Пушкина, начиная с 1820 года. К 1819 году относится лишь небольшое стихотворение "Дорида", где поэт впервые ориентирует читателя на некую тщательно скрываемую любовную тайну. Здесь же появляются мотивы, получившие развитие в "Кавказском пленнике": лирический герой наедине с возлюбленной вспоминает другую женщину.

В эпилоге к "Руслану и Людмиле", написанному на Кавказе, Пушкин впервые упомянул о временной потере способности творить, о некой душевной и нравственной омертвелости, вызванной неразделенной любовью.

Элегия "Погасло дневное светило...", первое произведение, написанное в Крыму, "дает законченный, классический пример лирической разработки темы "утаенной любви"(3, с.219) Берега Крыма, увиденные поэтом впервые с борта корабля, вызвали в его воображении воспоминания о прошедшей любви(к слову сказать, этот парадокс до сих пор не могут объяснить комментаторы пушкинской лирики). Здесь мы впервые встречаем подробную характеристику любовного чувства, переживаемого поэтом: "безумная любовь", "желаний и надежд томительный обман". Подлинной, глубокой любви противопоставляются мимолетные увлечения.

Поэма "Кавказский пленник", начатая на Кавказе и законченная в Крыму, по признанию самого поэта, содержит много автобиографических черт. Как отмечал Д.Д. Благой, "неприкрыто-личный автобиографический характер носит предпосланное поэме посвящение... В то же время легко заметить связь лирического образа самого поэта, как он дан в посвящении, с образом Пленника" (1, с.275). Душевное состояние героя во многом сходно с настроением самого автора: изгнанник, бежавший от суетного света, он несет в своей душе глубокое разочарование, воспоминания о неразделенной, трагической любви мешают ему откликаться на новые чувства и впечатления.

Пушкин не только не отрицал автобиографического характера поэмы - напротив, всячески подчеркивал эту особенность. Например, соглашаясь с критикой, он отмечал: "Доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения".

Элегия "Погасло дневное светило" и "Кавказский пленник" имеют много общих, параллельных мотивов: мотив бурного прошлого, от которого отрекается лирический герой, мотив бегства с целью найти свободу, мотив клеветы, преследовавшей героя, и, наконец, мотив прошлой трагической, безумной, неразделенной любви, которую герой не может забыть.

В небольшом по объему стихотворении "Война" (1821 г.) удивительно тонко показано психологическое состояние человека, переживающего муки безысходного и трагического чувства. Упоминание о роковой любви находим в стихотворении "В кругу друзей, в пирах счастливых..." (1821 г.). В кругу пирующих друзей поэт ищет забвения, однако воспоминания об ушедшем чувстве не покидают его. Аналогичные мотивы встречаем в пьесе "Друзьям" (1822 г.). Яснее всего поэт говорит об этой глубоко затаенной и неудачно любви в "Разговоре книгопродавца с поэтом" (1824 г.). Здесь мы встречаем развернутый рассказ о былом и ушедшем чувстве.

Общей особенностью вышеприведенных, а также некоторых других произведений, является то, что "воссозданное в них лирическое переживание является следствием пережитой в прошлом душевной драмы, подробности которой останутся за рамками текста, хотя и составляют его психологическую основу. Это не рассказ о любви, а воспоминание о ней, заключенное в новую лирическую ситуацию".(3, с.220) Здесь нет никаких, даже случайных, намеков на какие бы то ни было факты и обстоятельства, связанные с героиней, нет и ее психологического портрета. Главное - чувства самого лирического героя.

В то же время имеется ряд стихотворений, которые большинство литературоведов так же относят к теме "утаенной любви". По многим мотивам они сходны с вышеназванными, однако нетрудно заметить существенное отличие: здесь содержатся намеки на конкретные обстоятельства и биографические реалии, большей частью связанные с Крымом. Именно поэтому эти произведения часто цитируются теми исследователями, кто пытается связать имя таинственной возлюбленной поэта с берегами Тавриды.

Прежде всего следует назвать элегию "Редеет облаков летучая гряда" (встречается и другое название - "Таврическая звезда"), написанную в 1820 году. Здесь, как и в элегии "Погасло дневное светило", один из основных мотивов – воспоминание, послужившее толчком к лирическим излияниям поэта. Следует особо подчеркнуть – сам Пушкин относил элегию к числу стихов об "утаенной любви" и признавал, что "заболтался стихами". Забегая вперед, отметим, что именно из-за публикации "Редеет облаков летучая гряда" поэт был сердит на издателя "Полярной звезды" А. Бестужева.

Еще одно поэтическое откровение, указывающее на крымские реалии "утаенной любви", находим в стихотворении "Кто видел край, где роскошью природы..." (1821 г.):

Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?(7, т.2, с.190)

Заметим, что это уже вполне определенное и ясное указание, позволяющее с полной уверенностью относить пережитое чувство, которое Пушкин называл "утаенной любовью", с Крымом. Б.Томашевский, анализируя это произведение, отмечал, что образ героини "как бы сливается с картинами Крыма, пронизанными тем же поэтическим настроением, с которым поэт говорит о своих "безыменных страданиях"... Можно предположить, что в замысле Пушкина этот стих, вероятно, в другом контексте, содержал подлинное имя той, о ком он думал"(8, с.109).

Так же однозначно и откровенно высказывается Пушкин в неоконченном отрывке "Таврида" (1822 г.). Крымские реалии недвусмысленно связываются с сильной, всепоглощающей любовью, испытанной поэтом когда-то на берегах Черного моря:

Холмы Тавриды, край прелестный,
Я снова посещаю вас,
Пью жадно воздух сладострастья,
И будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.
За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной.
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами(...)
Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем
Лобзать уста молодых Цирцей
И перси, полные томленьем.
(7, т.2, С.256-257)

Пушкин воспользовался этими неопубликованными строками при создании "Евгения Онегина", включив их в несколько переработанном виде в первую главу.

Примечательно, что в "Евгении Онегине" (то есть в позднейшей редакции) усилен мотив мучительных, глубоких страстей: так, строка "я не желал с таким волненьем" заменена на "я не желал с таким мученьем", строке "нет, никогда средь бурных дней" ("Таврида") соответствует "нет, никогда средь пылких дней" ("Евгений Онегин").

Вообще, намеки и признания подобного рода часто встречаются на страницах "Евгения Онегина": например, лирический герой вспоминает ножки любимой

(...) Под длинной скатертью столов
Весною на ковре лугов

Зимой на чугуна камина
На зеркальном паркете зал
У моря на граните скал. В черновой редакции последней строки без труда угадываются окрестности Гурзуфа:
И на тропе меж южных скал
(Над морем на граните скал)
(7, т.6, С.240)

Следует отметить, что в окончательном варианте поэт исключил прямое упоминание о Крыме.

И, наконец, следует сказать о целом ряде стихотворений, написанных в 1820 – 1822 годах ("Увы! Зачем она блистает", "К***", "Нереида", "Красавица перед зеркалом", незаконченный отрывок "Там на берегу, где дремлет лес священный", "Дева", "Земля и море" др.) Некоторые пушкинисты полагают, что именно эти произведения Пушкин назвал в письме к А.А. Бестужеву "Моя Анфология" (4, С.9). Часто эту группу стихотворений условно называют "Крымским циклом", что довольно точно отражает их общую особенность: они написаны в Крыму, Каменке и Кишеневе, но сюжетной основой являются крымские впечатления. Одни исследователи включают их в перечень произведений, относящихся к теме "утаенной любви", другие не соглашаются с этой точкой зрения. Действительно – Пушкин пишет о любви, но это чувство несколько иного характера: в нем нет трагического надрыва, безысходности, разочарования и болезненных воспоминаний, оно в настоящем и никак не связано с мучительным прошлым. Тем не менее "почти все крымские стихотворения Пушкина – глубоко лиричны и интимны, так как отражают, главным образом, любовные переживания поэта, и отчасти впечатления от крымской природы"(6, с.73)

Много позднее, в Михайловском, Пушкин создает целую группу стихотворений: "Буря", "О дева-роза, я в оковах", "Виноград", "Фонтану Бахчисарайского дворца", "Блестит луна, недвижно море спит". На наш взгляд, эти произведения тематически связаны с вышеназванными: ясно просматриваются крымские мотивы и воспоминания, нетрудно заметить в этих произведениях намеки на любовное чувство, пережитое поэтом в Тавриде.

Примечательно, что именно с 1820 года в пушкинской лирике "появляется образ "гордой девы", "гордой жены", недоступной красавицы, который сам Пушкин впоследствии поминал как непрменный элемент того лирического канона, с которого начиналось его романтическое творчество" (4, с.96). В "Евгении Онегине", подводя итог романтическому периоду и оценивая былые идеалы и литературные штампы, поэт ставил в одном ряду "гордой девы идеал" и "безыменные страдания", называя их "темными", "неясными", то есть неопределенными.

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страдания.
(7, т.6, С.502)

"Бахчисарайский фонтан" стоит особняком в списке произведений, относящихся к теме "утаенной любви": история создания произведения связана с именем таинственной возлюбленной поэта, эпилог содержит ряд страстных поэтических признаний, а развернувшаяся вокруг издания поэмы переписка дает обширный и весьма ценный материал для решения загадки.

Летом 1823 года Пушкин писал из Одессы брату Льву: "Здесь Туманский. Он добрый малый, да иногда врет, например, он пишет в Пб. письмо обо мне: Пушкин открыл мне немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр... Фраза, достойная В.Козлова; дело в том, что я прочел ему отрывки из "Бахчисарайского фонтана" (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать потому, что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает в Шаликовы -- помогите!" (7, т. 13, с.67) В конце 1823 года вышел альманах "Полярная звезда", издававшийся А.Бестужевым. До Пушкина это издание дошло, видимо, в январе 1824 года. Поэт направил издателю сердитое письмо, полное упреков в нескромности: "Конечно, я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра: ты не знаешь до какой степени это мне досадно... Я давно уже не сержусь за опечатки. Но в старину мне случалось забалтываться стихами, и мне грустно видеть, что со мной поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности."(7, т.13, с.88) В черновике этого письма имеется еще одна подробность: "Ты напечатал те стихи, об которых именно просил тебя не выдавать их в п.(ечать) Ты не знаешь, до какой степени это мне досадно. Они относятся писаны к женщине, которая читала их". Речь шла об элегии "Редет облаков летучая гряда", каким-то образом попавшей к Бестужеву и напечатанной им полностью, включая последние строки, которые сам автор не хотел видеть опубликованными.

В начале лета поэт отправил Бестужеву еще одно письмо: "Посуди сам, – писал он, – мне случилось когда-то быть влюбленным без памяти. Я обыкновенно в таком случае пишу элегии, как другой... Но приятельское ли дело вывешивать напоказ мокрые мои простыни? Бог тебя простит, но ты осрамил меня в нынешней Звезде, напечатав три последних стиха моей элегии. Чорт дернул меня написать кстати о "Бахчисарайском фонтане" какие-то чувствительные строчки и припомнить тут же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными. – Журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает, видя, с какой охотой беседую об ней с одним из Пб моих приятелей. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариным, что проклятая элегия тебе доставлена чорт знает кем и что никто не

виноват. Признаюсь, одною мыслью этой женщины дорожу более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики. Голова у меня закружилась".(7, т.13, с.100)

И, наконец, в письме Дельвигу от 1824 года Пушкин называет начальную букву фамилии (или имени?) таинственной красавицы, признавая еще раз, что именно от нее он впервые услышал легенду о "Фонтане слез": "Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes" (фонтан слез - Е.А.) (7, т.13, с.250)

Обратимся теперь к тексту "Бахчисарайского фонтана". Вступление к поэме поэт не включил в окончательную редакцию, но этот отрывок представляет особенный интерес для исследователей: здесь совершенно определенно читаются петербургские реалии, и, значит, есть основания считать, что легенду Пушкин услышал в петербургское трехлетие, что полностью совпадает с творческой историей поэмы, рассказанной в вышеприведенном письме Дельвигу.

Исполню я твое желанье
Начну обещанный рассказ
Давно когда мне в первый раз
Поведали сие преданье
Мне стало грустно, пылкий ум
Был омрачен невольной думой
Но скоро пылких оргий шум
Развеяли мой сон угрюмый
(7, т.4, с.338-339)

"Любовный бред", о котором упоминает Пушкин в письмах, содержится в эпилоге, который правильнее было бы назвать "лирическим послесловием к поэме" (2, с.79) Часть текста действительно была опущена при первом издании:

Все думы сердца к ней летят;
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! Полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной.
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань. –
Опомнись! Долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать,
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать.
(7, т.4, с.397-398)

Последние строки, напечатанные при жизни поэта, содержат обращение к Крыму, к памятным Пушкину таврическим пейзажам, опять указывая на "воспоминания", связанные с "утаенным" чувством и женщиной, внушившей это чувство.

Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
(7, т. 4, с.400)

Похожие мотивы – "тайного" воспоминания, навеянного созерцанием крымской природы, – мы находим в элегиях "Погасло дневное светило" ("Я вспомнил прежних лет безумную любовь"...) и "Редеет облаков летучая гряда" ("Он думы пробудил уснувшие во мне"). Тема "утаенной любви" в который раз ставится рядом с упоминаниями о времени, проведенном поэтом в Крыму.

Итак, "Пушкин оставил нам немало лирических признаний о сильной и мучительной страсти, пережитой им в молодые годы, для которой нашел емкую поэтическую формулу "утаенная любовь" (3, с.216).

Не одно поколение пушкинистов обращалось к решению этой загадки: П.А. Бартенева, М.О. Гершензон, П.Е. Щеголев, Гроссман, Тынянов. Из современных авторов следует назвать Святелика, Есипова, Р.В. Иезуитову. Исследователи привлекали обширный литературоведческий, мемуарный и документальный материал. Называли разные имена Пушкинских современниц: княжна М.А. Суворова-Голицына, М.Н. Раевская (Волконская), Ек.Н. Раевская (Орлова), Н.В. Кочубей (Строганова), С.С. Потоцкая (Киселева), Ек.А. Карамзина.

Однако, как нам кажется, при исследовании данной проблемы недостаточно использовалась та информация, которую содержат пушкинские письма и лирические произведения, где идет речь об "утаенной любви".

Рассмотрев вышеуказанные произведения поэта, мы заметили следующие особенности: Пушкин совершенно определенно связывает адресат элегии "Таврическая звезда" и вдохновительницу "Бахчисарайского фонтана", указывая, что речь идет об одном и том же лице ("Ты осрамил меня, ...напечатав три последних стиха моей элегии... Чорт дернул меня написать кстати о "Бахчисарайском фонтане" ... и припомнить тут же элегическую мою красавицу..."). Элегия написана на основе крымских впечатлений, легко угадываются реалии Южного берега. Достаточно просто узнать описание окрестностей Гурзуфа и в других произведениях, относящихся к циклу стихов об "утаенной любви": неоконченном отрывке "Таврида", в большом стихотворении "Желание" ("Кто видел край, где роскошью природы"), в отрывках "Евгения Онегина", посвященных южному путешествию,

в "Бахчисарайском фонтане". Наконец, Пушкин утверждал, что именно от любимой женщины слышал легенду о любви Крым-Гирея - легенду, которая возникла именно в Бахчисарае благодаря синтезу фольклорных преданий и реальных исторических фактов. Романтический "гордой девы идеал" назван в одном ряду с упоминаниями об "утаенной любви", что указывает на непосредственную связь указанных образов. Следовательно, учитывая пушкинские указания, необходимо признать непосредственную связь героини "утаенной любви" с Крымом и крымским путешествием поэта. Этот момент должен, как нам кажется, служить отправной точкой всех исследований, посвященных проблеме "утаенной любви".

1. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина: 1813-1826. – М-Л, 1950.
2. Губер П.К. Дон-Жуанский список Пушкина. – СПб: Петроград, 1923.
3. Иезуитова Р.В. "Утаенная любовь" Пушкина // Легенды и мифы о Пушкине. – СПб, 1995.
4. Кибальник С.А. Об автобиографизме пушкинской лирики южного периода // Русская литература. – 1987. – №1.
5. Лотман Ю.М., Пушкин А.С. – М.: Просвещение, 1981.
6. Недзельский Б.Л. Пушкин в Крыму. – Крым. гос.изд-во, 1927.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16-ти тт. – М-Л, АН СССР, 1937-1954.
8. Томашевский Б.В. Пушкин. 2-е изд. в 2-х тт. – М.: Худ.лит., 1991.
9. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. – М, 1968.